

УДК 172.4+304.9
ББК 87.6

МИРОТВОРЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Громова Елена Аркадьевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, политических и правовых учений
Волжского гуманитарного института (филиал) Волгоградского государственного университета
gromovelena@yandex.ru
ул. 40 лет Победы, 11, 404132 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. Предпринята попытка анализа миротворческих идей в русской философии начала XX века. Разведены понятия миротворчество и пацифизм. Указаны социокультурные факторы непопулярности пацифизма в России. Показана эволюция миротворческих идей от классического пацифизма к либеральному.

Ключевые слова: миротворческий дискурс, пацифизм, либеральный пацифизм, этика войны, милитаризм, непротивленчество, ненасильственная альтернатива.

Прогресс и индустриализация, расширение мировой торговли, развитие демократических форм правления в истории XIX в. стимулировали миротворческую деятельность. Утилитаристские воззрения постепенно стали одерживать верх. Было осознано, что продолжительная война подрывает промышленные ресурсы и пагубно отражается на мировой торговле. Содержание армий и офицерского сословия требует дополнительных налогов. В результате интеллектуальная и политическая элита все чаще стала включать новые демократические идеалы и моральные, религиозные установки прошлого в проекты достижения международного мира.

В конце XIX – начале XX в. идея защиты мира приобрела глобальные масштабы. Религиозно-философская идея мира постепенно становилась идеологической основой для ряда политических и общественных движений. Так, к началу XX в. около трех тысяч активистов представляли международное движение пацифизм.

Очевидно, что онтологическое противоречие между насилием и ненасильственной альтернативой сопровождало ход всей истории

человечества. Но взрыв тоталитаризма и революционного максимализма в XX в. вывел его на авансцену мировой истории. Ядерное оружие как материальный символ абсолютной вооруженной силы обнаружило пределы насилия в целом. Особую злободневность приобрел вопрос о цене прогресса и границах допустимого насилия. Стало ясно, что идея о насилии как «повивальной бабке истории» себя исчерпала. Его место занял политический диалог и ненасильственное урегулирование международных и внутренних конфликтов.

Можно согласиться с мнением Р.М. Илюхиной, что сама по себе попытка построить достойное общество благодаря насилию, которое порождало бы только насилие, обречена на провал. За всю тысячелетнюю историю, на каждом витке развития цивилизация выходила на ненасильственную альтернативу, начиная от Нагорной проповеди Христа до Делийской декларации 1986 г. (см.: [7, с. 164]).

Об актуальности исследований основ миротворческого дискурса сегодня свидетельствует и сформировавшаяся в конце XX в.

новая отрасль социального знания – паксология, которая рассматривает мир в качестве универсальной общечеловеческой ценности. Следует учитывать и тот факт, что, к сожалению, российская историография проблемы мира отстает от мирового уровня на несколько десятков лет. Думается, что одной из причин этого является обусловленный конкретными социально-политическими обстоятельствами милитаристский крен в отечественных исторических исследованиях. Как утверждает Р.М. Илюхина, безымянные воины, выступавшие против насилия, всегда находились в тени прославленных полководцев, их называли утопистами, идеалистами, непротивленцами, антипатриотами, предателями, они всегда были антигероями (см.: [7, с. 165–166]).

Даже сегодня у власти отмечается двойственное отношение к ненасильственным методам борьбы. С одной стороны, пацифизм упрекается в «непротивлении», «беззубости», «мечтательности», «утопизме», с другой – ненасильственные формы сопротивления (например, акции гражданского неповиновения, пикеты, забастовки) рассматриваются как силовая политика. Должно быть, социальная практика активного невооруженного протеста пацифистов вступает в конфликт с политическим авторитарным мышлением и представляет опасность для правящих кругов своим призывом отказаться от военного и политического насилия.

Если иметь в виду, что общечеловеческие интересы – это универсальные аксиомы, развивающиеся вне зависимости от социальных и иных различий, то миротворческая доминанта, моральное и правовое неприятие войн, напрямую соотносится с общечеловеческими ценностями. Разрешение фундаментального противоречия между политическим прагматизмом и нравственным началом составляет основу ненасильственной альтернативы миротворцев. Поэтому современному обществу с его жестокостью, трудноразрешимыми проблемами войн, терроризма, насилия, экологии и т. п. самое время обратиться к антимилитаристскому пафосу миротворцев, принципам добра и человечности. Поиск путей к формированию мира на основе общечеловеческого консенсуса, свободы выбора, универсального признания ценности человеческой личности, толерантности, то есть ненасильственной аль-

тернативы, содержится в философском дискурсе начала XX в., который включает в себя малоизученный пацифистский комплекс.

Если попытаться понять, какие именно идеи оказали наибольшее воздействие на формирование традиции миротворчества в истории, то необходимо признать, что на первом плане окажутся пацифистские взгляды. Следует отметить ошибочность мнения, согласно которому миротворчество и пацифизм рассматриваются как синонимы. Термин «миротворчество» по своему содержанию гораздо шире понятия «пацифизм», поскольку наряду с ненасильственными средствами подразумевает и возможность достижения мира через военное или революционное насилие. Это различие является принципиальным для дальнейших рассуждений.

Этимология термина «пацифизм» указывает на то, что он происходит от латинских основ: *pax* «мир» и *facio* «делаю». Термин был введен в широкое употребление сравнительно недавно, с 1901 года. А в XIX в. идеологи, выступавшие за мир, называли себя «приверженцами мира», «активистами мира», «друзьями мира». Таким образом, «пацифизм является определенным типом миротворчества, представляя собой идейно-политическое течение в истории, в основе которого лежит отказ от насилия вообще и войн в частности» [7, с. 168–169].

Российское миротворчество начала XX в. также вступило на дорогу борьбы за новый мир, основанный на международном правопорядке и призванный сменить старую мировую систему, пронизанную милитаризмом, авторитаризмом и анархией. Журнал «Вестник мира» в декабре 1912 г. писал: «Пацифизм показывает, как цивилизация и прогресс развиваются и усиливаются не от употребления силы и насилия в международных отношениях, а от развития и усиления понятий о праве и элементе закона в отношениях между народами. Идеал пацифизма – замена режима войны и насилия между народами режимом правового порядка в международных отношениях» (цит по: [8, с. 180]).

Ясно, что миротворческая максима ненасилия существует не сама по себе, а в рамках определенного социума, взаимодействуя с его идеями и ценностями. Поэтому она приобретает временное конкретно-историческое содержание, принимая обличье той

или иной эпохи, воспринимая основания той или иной идеологии и развиваясь в ее рамках. Для российской социальной мысли проблемы войны и мира, миротворческий дискурс не были новыми. Можно утверждать, что в отечественной философии к началу XX в. сложились свои прочные традиции. Рассмотрим их эволюцию.

В России организация миротворческого движения и рост пацифистских настроений имели свои особенности, связанные с исторической традицией и политической культурой общества, сложившимися на протяжении долгих столетий. Цепь непрерывных войн выдвигала на первое место в общественном сознании идеи милитаризованного патриотизма. На протяжении веков страна раздиралась социальными противоречиями, жила в условиях авторитаризма и крепостничества, что подавляло альтернативное мышление. Это способствовало тому, что в общественной мысли России в большей степени доминировали идеи революционаризма, чем ненасильственной парламентской альтернативы (см.: [13, с. 13]). Исследователь миротворческих идей в отечественной мысли XIX в. Е.А. Рудницкая также показывает, что на протяжении столетия идея защиты мира постепенно вымещается радикальной идеологией и приходит к собственному отрицанию (см.: [14]).

Однако миротворческая идея никогда полностью не иссякала в русской общественной мысли. Так, либерально мыслящей интеллигенцией XIX в., идеализирующей Просвещение как основополагающее начало движения народов по пути прогресса, не война, а именно мирная производительная деятельность рассматривалась как средство и стимул к утверждению национальных интересов: она «рождает торговлю и промышленность, которые мирными отношениями сгоняют с лица земли дух кровавой войны, и соединяют золотым поясом рассеянные народы в одно дружелюбное семейство» (цит по: [14, с. 81]).

В рамках другой традиции, в записке «О старом и новом» (1839) славянофила А.С. Хомякова проблема войны и мира рассматривается в контексте основополагающих для ученого идей духовной миссии России и христианства. Именно с ненасильственным началом русской истории А.С. Хомяков связы-

вал преимущество России перед Западом: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству Русскому и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщенья» [18, т. III, с. 28]. Эти изначальные качества «души русской» были в дальнейшем «образованы и облагорожены христианством», «произвели все хорошее», чем мы можем гордиться: «мирное направление политики, провозглашение закона Христа и правды как единственных законов, на которых должны основываться жизнь народов и их взаимные сношения» [там же, с. 19–20].

Философия любви питала надежду А.С. Хомякова «увидеть весь мир христианский соединенным под одним знаменем истины» [там же, т. II, с. 320]. Эта мысль проходит через фундаментальный труд А.С. Хомякова «Записки о мирной истории». Он уповал на то, что «придет время, когда человечество, мужая разумом и образованностью признает одни начала высшей истины» [там же, т. V, с. 19]. Важную роль в своей гуманистической доктрине философ отводил национальному чувству, которое, лишённое эгоизма и самодовольства, сочеталось с безусловным уважением всякой народности.

Вместе с тем, признавая войну в некоторых случаях необходимой, он видел в ней безусловное зло: «...война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, бесстрастных и бескорыстных, это исполинское преступление всех законов человеческих, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей» [там же, т. III, с. 366]. В размышлениях о всемирной истории, исходя из своей историософии, покоящейся на идее вечной борьбы духовного и материального, А.С. Хомяков вписывал войну в ряд разрушительных сил, сокрушающих человеческое братство, противное началам духовной жизни.

Во второй половине XIX в. в миротворчестве набирает силу радикальное направление: вопрос о войне и мире всецело начинает подчиняться задачам социально-политическим и решается исключительно с позиций революционного преобразования общества.

Одно из наиболее ярких и развернутых направлений революционной пропаганды в воп-

росе о войне и мире возглавил М.А. Бакунин. Показательно, что М.А. Бакунин рассчитывал подчинить международному анархистскому объединению «Интернациональное братство» пацифистскую Лигу. Один из поставленных перед идеологами вопросов гласил: «Каковы взаимоотношения экономических и социальных вопросов с вопросами мира и свободы?» (цит. по: [11, с. 154]). В предложенном М.А. Бакуниным ответе на данный вопрос было сказано, что без достижения экономического равенства классов и личностей неосуществимы свобода и мир. Так проблема мира оказалась сдвинутой в социально-политическую плоскость и замененной проблемой «практических средств», инструментов для достижения экономического и социального равенства людей.

Собственное отношение к войне и к миротворчеству высказывал не раз А.И. Герцен. В апреле 1859 г. он писал: «Мы не рады войне, нам противны всякие убийства – оптом и вразбивку; те, за которые вешают, и те, за которые дают кресты; нам жаль всякую кровь, потому что крови веселее течь в жилах, чем по траве и песку» [4, т. XIV, с. 98]. Он считал исчерпанными аргументы против войны: «Философический, теоретический вопрос о мире и войне давно уже исчерпан; новых сомнений, требующих ответа, новых открытий, ожидающих утверждения, уже нет. Речь идет о применении, о воплощении в жизнь этих теорий» [там же, т. XX, кн. I, с. 382]. Однако их жизненность, осуществимость вызывает у А.И. Герцена глубокий скептицизм. Основная посылка: «Верные нашему реализму, мы принимаем войну за факт и нисколько не намерены терять время чувствительно и бесполезно, разглагольствуя о всеобщем мире, тоскуя о вселенском братстве...» [там же, с. 99].

Но не герценовский историософский поиск определил дальнейшее движение русской революционной мысли. Все более укреплялась тенденция крайнего радикализма, изначально порожденного историческими предпосылками. Революционная практика опережала в России возникновение реальных условий для выдвигаемых социально-политических целей. Свое концептуальное оформление революционный радикализм получил в «русском бланкизме», идейным вдохновителем и практиком которого был Петр Ткачев. В системе блан-

кистских идей миротворчество превратилось в свою противоположность. Проблема войны и мира постепенно вытеснилась вопросом о соотношении войны и революции с точки зрения интересов революции. Суть подхода сводилась к тому, что война рассматривается как действенный элемент, способствующий революции, а потому желательный и плодотворный. Именно эти идеи стали пропагандироваться в 1870-х гг. на страницах журнала «Набат», созданного П. Ткачевым.

Так, миротворческая идея в России, заявив о себе еще в XVIII столетии как выражение общегуманистических устремлений эпохи Просвещения, приходит к радикальной идеологии, к своему самоотрицанию: разрушительная сила войны становится органичным слагаемым разрушительных методов решения социально-политических проблем. Девиз «Страсть к разрушению есть созидательная страсть!», заявленный М.А. Бакуниным, перечеркивает миротворческую идею в конечном счете апофеозом войны. Война включается в действенный арсенал средств достижения благоденствия народов. Революционеры осознают себя единственными выразителями истинной воли и интересов народа.

Вместе с тем последнее десятилетие XIX в. в России знаменовалось мощным интеллектуальным прорывом, попыткой либеральных философов, юристов, политологов выдвинуть ненасильственную альтернативу развития международных отношений. Эволюция пацифистских идей в России была далеко не равномерной и шла по разным направлениям: религиозно-философскому, международно-правовому, экономическому, – выдвинув плеяду блестящих и непохожих друг на друга российских миролюбцев.

Традиционно в этике войны выделяют три возможных подхода: пацифизм, апологетика, плюрализм (см.: [12, с. 4–19]). Пацифизм категорически отвергает войну. Апологетика войны, напротив, отстаивает исключительно важную роль военного дела в становлении человеческой культуры, прогрессе и воспитании сильного жизнеспособного поколения. Это милитаризм всех разновидностей. Подобные идеи Ф.М. Достоевский вложил в уста своего героя-«мечтателя» из рассказа «Парадоксалист», с которым он спорил. «Дикая мысль, –

говорил он, между прочим, – что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная» [5, с. 142].

Сторонники плюрализма допускают войну как «последнее средство» в деле достижения мира. Это наиболее распространенная в современном мире точка зрения на вооруженное насилие. Очевидно, что пацифизм и плюрализм представляют собой разные идейные подходы в миротворчестве.

Р.М. Илюхина также выделяет два главных направления в миротворческом дискурсе, различающихся отношением к методам построения ненасильственного мира (см.: [7, с. 169]). Первое отвергает любое вооруженное и политическое насилие, отрицая даже оборонительную войну. Второе направление выступает не против войны вообще, а против агрессивной войны. Это направление исследователь называет «либеральным пацифизмом». В центре его идеологических позиций стоит международная политика, направленная на устранение определенной войны ненасильственными правовыми методами. Применение силы рассматривается как нежелательная, но в ряде случаев необходимая альтернатива.

В отечественной философской мысли начала XX в. легко обнаруживаются обозначенные методологические подходы. Как известно, корифеем пацифизма в России является Л.Н. Толстой. Обнаружив подлинное существо зла как источника всех проблем, мыслитель довел эту идею до логического завершения – насилия быть не должно ни на уровне индивидуальной, ни общественной жизни. Исходя из основного противоречия эпохи между военным положением народов и нравственными правилами христианства и гуманизма, то есть между политикой и моралью, активная ненасильственная альтернатива Л.Н. Толстого призывала к борьбе со злом ненасильственными средствами (см.: [15, с. 58–60]). Если целью человека является искоренение зла, то использование насилия в качестве средства в борьбе со злом «может только увеличить, а не уменьшить зло». Призыв великого мыслителя к отречению от насилия всех людей рассматривался им как серия акций гражданского «непови-

новения государству». Рассматривая воинскую повинность как последнюю степень насилия, Л.Н. Толстой выдвинул и обосновал концепцию отказа от воинской службы как главного метода борьбы против войн, насилия и государства-агрессора.

В философии Л.Н. Толстого речь идет о насилии как о физическом страдании, физическом вреде и смерти другого человека. Всякое иное понимание насилия, как-то душевное или моральное насилие, означало бы невозможность сопротивления злу. Это сделало бы философию Л.Н. Толстого разновидностью мистического учения о недеянии, хотя такие интерпретации существуют. Душевные страдания злодея, если они вызваны нашим сопротивлением, хотя и ненасильственным, не могут быть исключены.

С учетом логических поправок пацифизм Л.Н. Толстого сохраняет свою актуальность, поскольку общая установка на минимизацию насилия безусловно благотворно повлияла бы на современный мир. Есть мнение, что, доживи Л.Н. Толстой до времени мировых войн и концлагерей, он был бы вынужден, хотя бы минимально, изменить свою нравственную философию (см.: [10]). Христианский этико-социальный пацифизм Л.Н. Толстого стал не только итогом развития концепции ненасильственной альтернативы, но и началом нового этапа практического воплощения в жизнь одного из ведущих пацифистских методов борьбы против войн и насилия.

Другой выдающийся русский философ, Н.А. Бердяев, дискутировал с Л.Н. Толстым об онтологических противоречиях войны и мира на земле, о силе зла в человеке и мире. Он исходил из разноплановости человеческого, эмпирического и трансцендентного, сверхэмпирического. Война понимается философом не как источник зла, а лишь как «рефлекс на зло», как знак существования «внутренней болезни человечества». Она лишь выявила зло. Человечество постоянно живет враждой и ненавистью, и мир буржуазной жизни – это иллюзия, лицемерие, которое должно быть разоблачено. «Война есть страшное зло и глубокая трагедия, но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже. И на глубине этой зло и трагедия всегда даны уже до войны и до ее насилия» [2, с. 305–306]. рассу-

дая о природе войны, человеческого насилия и возможности мира и единства, мыслитель раскрывает диалектику, двойственность, порочный круг войны, формулирует ее онтологические и антропологические основания. Люди проникаются идеями братства и пацифизма, но нет единства между самими сторонниками идей братства, и они вынуждены объявлять войну сторонникам войны. Но это не оправдывает войны. «Оправдывать войны и даже восторгаться ими и отрицать оправданность и допустимость революций есть ложь», – пишет Н.А. Бердяев [2, с. 307].

Н.А. Бердяев критикует пацифизм как «психологию фанатизма», догматизм, монизм и доктринерство. По мнению философа, он диктует принципы абсолютной жизни, в которой не может быть войны, насилия, убийства, но они не применимы к относительной человеческой жизни. В этом его ложь, считает Н.А. Бердяев. «В отвлеченных пожеланиях пацифизма избежать войны, оставляя человечество в прежнем состоянии, есть что-то дурное. Это – желание сбросить с себя ответственность. Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни. И невозможно верить в вечный рациональный мир» [1].

В то же время философ преклоняется перед гением Л.Н. Толстого, высотой его нравственного сознания: «Его учение о непротавлении злу насилием, его отрицание закона этого мира во имя закона Бога глубже, чем думают, его плохо понимают» [2, с. 307]. «Л. Толстой хочет, чтобы царствовал закон Бога, а не закон мира, закон любви, а не закон насилия. В этом он свято прав. Но как этого достигнуть?» [там же, с. 308]. По Н. Бердяеву, Л.Н. Толстой не понимал тайны богочеловечности, то есть различия двух природ. Борьба со злом должна вестись еще в этом, земном, мире, а окончательное торжество божественного закона означало бы начало нового мира.

Н.А. Бердяев подчеркивает, в нашем мире слишком мало веры. И война есть потому, что недостаточно у людей силы духа. Верят не в силу духа, а в дух силы. «Господство войны и военной силы в мире есть выражение неверия в силу самой истины, в силу духа, в

силу Божию» [2, с. 310]. Философ абсолютно прав в том, что победа над злом войны невозможна без радикального изменения человеческого сознания. «Мир человечности, духовности, красоты, бессмертия есть иной мир, чем мир страхов, страданья, зла и войны...» [там же, с. 311].

Н.А. Бердяев заключает, что отношение к войне может быть только антиномическим. Благодушное отношение к войне – недопустимо и безнравственно. «Мы войну и принимаем, и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения. Свержение милитаризма – одна из целей нынешней войны. Милитаризм и пацифизм – одинаковая ложь. И там, и здесь – внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни» [1].

Таким образом, гуманистическая философия Н.А. Бердяева, безусловно, должна быть отнесена к миротворческой традиции. Если он пишет об онтологическом зле, то непременно его бичует, и в пессимистических строках чувствуется вера в возвышение свободного духа человека.

Более определенное отношение к пацифизму Л.Н. Толстого выразил И.А. Ильин в книге «О сопротивлении злу силою» (1925). Главным объектом критики Ильина стало учение о непротавлении злу насилием. Теория И.А. Ильина получила название доктрины необходимой войны. Другими словами, его взгляды согласуются с принципами либерального пацифизма. Русские религиозные философы соглашались с Л.Н. Толстым в том, что люди должны стремиться исключить насилие из своей жизни. Однако они не считали всякое применение силы злом: важен мотив этого действия. По И.А. Ильину, таким мотивом может быть жертвенная одухотворенная любовь.

В ответ на заповедь Л.Н. Толстого «не противься злу силой» И.А. Ильин выдвигает максимум «противиться злу из любви». Но, провозгласив возможность оправдания насилия, И.А. Ильин сохраняет негативную к нему оценку. «Физическое воздействие должно при всех условиях беречь духовную очевидность человека, не подавляя в нем чувства его собственного духовного достоинства и не колебля доверия человека к самому себе. Вот почему должны быть осуждены и отвергнуты все формы физического понуждения, разрушающие

душевное здоровье и духовную силу человека: лишение пищи, сна; непосильные работы; пытки, заключение в обществе злодеев; унижительное обхождение и т. д.» [6, с. 70].

По И.А. Ильину, следует различать насилие как самоцель, упоение насилием и насилие инструментальное, которое выступает как единственный способ преодоления зла. Однако философ понимал, что, начавшись как инструмент, зло вполне может утвердить себя в качестве нормы. «Война предъявляет к человеку почти сверхчеловеческие требования; и если народ порывом поднимается на надлежащую высоту, то по окончании порыва, обыкновенно выдыхающегося задолго до окончания войны, уровень народной нравственности всегда оказывается падшим» [там же, с. 108]. По этой причине философ формулирует необходимые принципы.

Во-первых, принцип легитимной власти: гласит, что только законная власть, которая опирается на доверие всего народа, вправе решать, при каких обстоятельствах следует обращаться к насилию. Во-вторых, принцип крайнего средства: требует обращаться к насилию лишь в том случае, когда все другие средства уже невозможны. В-третьих, принцип пропорциональности: ограничивает насилие соразмерно угрозе.

«В войне... совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других», – говорит другой крупный российский философ XX в., критик теории непротивления злу Л.П. Карсавин [9, с. 427]. Размышляя об оправданности войны, Л.П. Карсавин твердо пишет о том, что никакая война никак не оправдана с христианской точки зрения. Она может быть неизбежной в порядке греховно эмпирическом и никогда не бывает неизбежной в порядке абсолютном. Это «греховная необходимость». «Бог творит чудеса, но христианин не может “рассчитывать” на них и вымогать их, ибо тогда он перестанет быть свободным сыном Божиим» (цит. по: [3]).

Христианские мыслители пытались преодолеть состояние исторического релятивизма и выдвигали планы устройства мира на подлинно вечных, неизблемых законах и началах человеческой жизни. В основе общественной жизни С.Л. Франк видел начало солидарности, «непосредственного единства многих, со-

принадлежности отдельных людей к некому единому “мы”. Так великий нравственный принцип: “люби ближнего, как самого себя”, предполагает усмотрение в другом человеке “ближнего”, себе подобного, связанного со мною, с участью которого связана моя участь. Все теории, выводящие какие-либо формы общения из сочетания индивидуальных эгоистических волей, ложны» [17, с. 13].

В основе человеческого общежития лежит и другое, в известном смысле противоположное начало: начало личной свободы. Если кто-то парализует свободную волю человека как «образа и подобия Божия», он теряет свою сущность, гибнет, а вместе с ним гибнет и общество. Суровая дисциплина может только регулировать и воспитывать, а не творить. «Всякий деспотизм может существовать, лишь пока он хотя бы частично опирается на свободную волю» [там же, с. 15].

Таким образом, войны начала XX в., политические и военные катаклизмы заставили русскую философскую мысль обратить пристальное внимание на противоречия войны и мира с точки зрения русской православной цивилизации. Взгляды эти, несмотря на все ужасы войны, не были сугубо непротивленческими. В отечественной философии начала XX в. доминировали идеи либерального пацифизма. Мир и покой наступят лишь в Царствии Божием, а в нашем бытии мы вынуждены бороться со злом. В этом смысле идея войны как крайнего средства стала решительным ответом на разгулявшееся зло. «Оправдать войну, – писал С.Л. Франк, – значит доказать, что она ведется во имя правого дела, что она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в человеческой жизни какие-либо объективно ценностные начала... Найти такие ее основания, которые были бы обязательны для всех» [16, с. 126]. Русская религиозная философия считает нравственно оправданной только войну в защиту высших духовных святынь, которыми И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и другие философы называют защиту родины, жизни и мира. Русская философская мысль дала эвристически ценное толкование многих противоречий в миротворчестве, не переходя из крайности классического непротивленческого пацифизма в крайность воинственного милитаризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_21.html. – Загл. с экрана.
2. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – С. 305–311.
3. Брацун, Е. Русская философская мысль о войне / Е. Брацун. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/07/21/1558>. – Загл. с экрана.
4. Герцен, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954–1965. – Т. XIV. – 1958. – 702 с. ; Т. XX. В 2 кн. Кн. I. – 1960. – 489 с.
5. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 13 / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Наука, 1994. – 544 с.
6. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою // И. А. Ильин // Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1993. – 731 с.
7. Илюхина, Р. М. Пацифизм и насильственная альтернатива в истории / Р. М. Илюхина // Принципы ненасилия: классическое наследие / отв. ред. В. М. Иванов. – М. : Прогресс, 1991. – С. 163–174.
8. Илюхина, Р. М. Международные аспекты российского миротворчества на рубеже XIX–XX веков. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века (Становление и деятельность российских обществ мира) / Р. М. Илюхина, Д. А. Сдвижков // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / под ред. Т. А. Павловой, П. Брока, Р. М. Илюхиной, Л. Клиппенштей-

на и А. О. Чубарьяна. – М. : ИВИ РАН, 1997. – С. 179–201.

9. Карсавин, Л. П. Церковь, личность, государство / Л. П. Карсавин // Малые сочинения / Л. П. Карсавин. – СПб. : Алетейя, 1994. – С. 414–446.
10. Кашников, Б. Н. Пацифизм, необходимая война и террор. Три доктрины русской философско-правовой мысли / Б. Н. Кашников. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1524>. – Загл. с экрана.
11. Колокол = Kolokol. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Женева, 1868–1869 : Переводы, комментарии, указатели / ред. М. В. Нечкина, Е. Л. Рудницкая. – М. : Наука, 1978. – 218 с.
12. Образцов, И. Б. Военная социология: проблема исторического пути и методология / И. Б. Образцов // Социс. – 1993. – № 12. – С. 4–19.
13. Общество мира в Москве. – М., 1912. – Вып. II. 1911–1912.
14. Рудницкая, Е. А. Идея мира в русской общественной мысли XIX века / Е. А. Рудницкая // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России» / под ред. Т. А. Павловой, П. Брока, Р. М. Илюхиной, Л. Клиппенштейна и А. О. Чубарьяна. – М. : ИВИ РАН, 1997. – С. 79–86.
15. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 28 / Л. Н. Толстой. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 398 с.
16. Франк, С. Л. О поисках смысла войны / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1914. – № 12. – С. 123–132.
17. Франк, С. Л. Религиозные основы общности / С. Л. Франк // Путь. – 1925. – № 1. – С. 9–30.
18. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Хомяков. – М. : Университетская типография, 1886–1906. – Т. II. – 1886. – 492 с. ; Т. III. – 1900. – 504 с. ; Т. V. – 1900. – 614 с.

PEACE DISCOURSE IN THE NATIONAL SOCIO-PHILOSOPHICAL
THOUGHT OF THE BEGINNING OF 20th CENTURY

Gromova Elena Arkad'evna

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of History, Political and Legal Doctrines,
Volzhsky Institute of Humanities (Branch) of Volgograd State University
gromovelena@yandex.ru
40 Years since Victory, 11, 404132 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The author attempted to analyze the peacekeeping ideas in the Russian philosophy of the beginning of 20th century. The author of the article differentiates the concepts of peacekeeping and pacifism, presents socio-cultural factors of unpopularity of pacifism in Russia and puts forward the evolution of peacekeeping ideas from classical pacifism to liberal.

Key words: peacekeeping discourse, pacifism, liberal pacifism, ethics of war, militarism, non-resistance ideology, non-violent alternative.